

Из раннего своего детства запомнил Николай Михайлович какую-то несуществующую сегодня Зеленую улицу: будто бы старые дома стоят в два порядка, а между ними течет зеленая-зеленая, ровная, будто река, трава. И такая чистота на этой Зеленой улице, что сердце щемит вот уже целую жизнь. Наверное, это символ Родины, ведь Николай родился в Измайловке и относится к тем святым людям, которые идут по жизни, как по Зеленой улице. И все у таких людей получается, как будто на их жизненном пути всегда вовремя встречается зеленый светофор, вернее — зеленая волна светофоров...

Рыбаковы — изначальный казачий род в Измайловском поселении. Чудесно и крупно поворачивается их судьба под напором исторических ветров...

Братья Григорий и Мирон Рыбаковы в молодости служили царю и отечеству в 8-м Оренбургском казачьем полку. Мирон, видимо, был природным художником в душе — потому и стал известным в полку и в округе сапожником, был замечательным кавалеристом, в совершенстве владел искусством конной вольтижировки, крутился вокруг скачущего коня, как гимнаст, на полном скаку...

А вот Григорий ушел в политику, большевиком, коммунистом стал во время гражданской войны здесь, на Урале. А после войны возглавил партийную ячейку из трех человек, объединил 32 измайловских бедняцких хозяйства в первую на казачьей земле коммуноу.

Вот на плечи Григория Рыбакова и упала доля в 1923 году разрушить светлую и зеленую церковь села Измайловского. Бабушки двадцатых годов воздымали руки к небесам, протягивали их людям: «Не трогайте Божий Дом! Беда будет!»

Беды, как мы теперь помним, бывовсклень. Значит, известный сапожник Мирон Рыбаков является дедом нашему Николаю, а Григорий тогда — дедушка-дядюшка.

Мирон, видимо, и дал своему семейству тонкую, отзывчивую душу, и засветил Зеленую улицу своему потомству.

Михаил, отец Николая Рыбакова, родился в 1924 году — том году, что весь ушел на Великую Отечественную войну и оставил в живых только три процента своих мальчишек и девчонок. Думается, Михаила спасла глупость, с детства посетившая его любовь к Елене Болтачевой. Михаил с Еленой полюбили друг друга еще до войны. Оба уходили на войну и остались живы! Не чудо ли? Он прошел Курскую битву артиллеристом, она — прожекторист-слухач (то есть в наушниках ловила звук летящих вражеских самолетов, передавала артиллеристам, а те по ее данным метко встречали вражеские самолеты). После войны съехались Михаил Рыбаков и Елена Болтачева в родном Измайловском, бросились друг к другу в объятия... и родили подряд пятерых нежных детей. Первенцем в семье был Николай Михайлович Рыбаков...

Дитя мирного времени, он красив, светел и умен. Художественность натуры позвала его в кинемеханики. В детстве кинемеханик ему казался волшебником. Он, как поэт, любит своих односельчан, знает их биографии. В пору молодости (в 70-80-е годы) был комсоргом и увлекся творческими вечерами «От всей души» в молодежном сельском кафе «Юность». Много сердец обогрелось возле этого человека, много товарищей поднялось

на радость родному краю: Геннадий Алиманов, Николай Нестеров, Валентина Нестерова, Федор Ефименко из деревни Кондровки, Катерина Абдуллина из Ерлыгаза, библиотекарь Валентина Федоровна и, конечно, жена Николая — Павлина Григорьевна, сельский интеллигент, красавица, чем-то неуловимо похожая на актрису Марину Ладынину, сыгравшую главную роль в знаменитом фильме «Кубанские казаки».

О глубокой любви Николая к своей жене Павлине знает все село. Непросто сводила их судьба. Но вот их дочь Василина, благодаря новому времени, вдруг соединила начало века с концом. Можно сказать, совершила ученический подвиг летописца в десятом классе, в семнадцать лет...

Она сделала исследование по теме, на селе вообще закрытой. Василина написала

социализма», с другой сплошные «враги народа», их семьи в землянках. С одной стороны Сталин дал «счастливое детство», был другом всей детворы, с другой — осиротил миллионы.

Каждая семья репрессированных сполна испила ту чашу, которую ей уготовил великий отец всех народов.

Фирсана Яковлевича АЛЕМАНОВА арестовали среди бела дня. У него незадолго до ареста случилась беда с сыном. Саша упал на кол, пробил живот, печень. Его на попутной машине увезли в Магнитогорск. Фирсан Яковлевич пошел пешком в Кизил (семья Алемановых тогда жила в Уральце), паспорт получил, да встретился ему по дороге «черный ворон» — за ним ехали. Привезли его домой, разрешили галюши на полуботинки переобуть. Прощаться не дали. И как в воду канул человек. Так и не узнал, жив ли сын остался или нет. И сын ничего об отце не знал. И не могла Анастасия Ивановна к сыну съездить: не на чем. Да и самому маленькому из пятерых детей Петру — полтора года было, не на кого оставить...

Хорошо хоть с сыном обошлось, привезли его, как выздоровел. Перебралась тогда Анастасия Ивановна в Измайловку, попросилась к сестре в небольшую землянку. Так и прожила в ней до старости, богатства не нажила, зато детей всех подняла, вырастила.

Владимир Федорович НАСЛЕДОВ не помнит своего отца. Ему было всего четыре года, когда морозной февральской ночью 1938 года отец его был арестован по доносу.

Доносы?.. Односельчане писали друг на друга, исполняя верноподданнический долг, законопослушный акт...

Спасибо Василине за память! И после этого страшного свидетельства времени хочу я дорогому нашему земляку-читателю, передать живое воспоминание-рецепт Павлины Григорьевны — мамы Василины:

Как делать кизяк

«Когда-то давно ходила такая шутка: кизяк — это житель Кизильского района. В деревне всевозможной живности намного больше, чем людей: Село — это планета животных, как зоопарк. На территории измайловских земель кормится и размножается 60 тысяч овец, 7 тысяч коров, несчетное число свиней, лошадей, курей, уток, гусей... Каждый со своим характером, претендующим на заботу и участие. И люди с утра до утра вертятся вокруг своих ненаглядных животных и птиц, бабочек и стрекозок, жуков и муравьишек...

Обитатели каждого двора в прошлом, да и совсем в недалеком прошлом, как правило, казаки всю зиму собирали навоз от коров и складывали в острокопечную (стогом) кучу. После полевой все степные дворы, поскольку дров и каменного угля поблизости не было и нет, принимались за изготовление кизяка. Люди собирались на помощь друг к другу по 6-8 человек, составляли очередь по домам, правление колхоза выделяло для этого двух быков и двух лошадей. С утра раскидывали навозную кучу вилами в большой круг внутри двора. Круг получался толщиной в полметра. Затем возили воду с речки Караганки. Возили на быках, в бочках емкостью 200 литров. Заливали весь этот навозный круг водой часа два подряд. Затем хозяин двора (или хозяйка) становился в центр круга, брал в руки поводья для двух лошадей, которые ходили по кругу и мяли копытами навоз. Мяли до тех пор, пока он не становился густой массой. В конце концов эту массу прихлопывали лопатами и еще раз поливали водой. Потом лежит эта масса немного и отдыхает. Тут-то и подходят помощники. У каждого — станок для кизяка. Ящик такой без дна и с одной внутренней перегородкой, как бы два окошка для двух кирпичей. А сбоку — ручка. Этот станок кладется на чистую плоскую доску, тоже сбрызгивается водой. Вилами наполняет человек оба отдельных станка этой навозной массой. Есть любители набивать станок руками. Масса утаптывается еще раз ногами. Затем сдвигается ящик за ручку с доски, а укладчик уносит два кирпича на сушку. Работа ручная, занимает весь день. До трех тысяч штук кирпичика-кизяка хватает на отопление дома всю зиму...

Заготовка кизяка — топлива для степного крестьянства — заканчивалась дружным праздничным ужином для всех помощников. На следующий день ту же работу делали вместе в соседнем дворе...

Кизяк в Измайловском и его соседних деревнях заготавливали вплоть до 60-70-х годов, когда по идее Александр Антонович Заплатина мужичины села перевели свои дома на паро-водяное отопление и установили газовые плиты...

Тут, казалось бы, и вся история «Зеленой улицы...» Да неспокойно отчего-то сердцу Зеленой ли она была? Разве что во сне?

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

Что о тебе подумает партотдел?

«Уж если мы с тобою влюблены, ужели целоваться мы должны? Должны мы больше

выдавать металла для усиления родной страны.»

— Было время, когда коммунистической нашей партии мы боялись даже тогда, когда по необъяснимым природным законам надо было отдаваться любовным объятиям. — так начал свой рассказ мой знакомый газетчик. — Газетчика, как известно, ноги кормят. В нашей газете, несмотря на то, что она преданно служила металлургическому заводу, во время осенних уборочных работ объявлялся аврал. Мы в одиночку и группами разъезжали по окрестным колхозам и совхозам, чтобы рапортовать о том, как доблестные металлурги убирают зерно, овощи, картофель и одновременно без выходных дней плавят металл и катают прокат.

На сей раз в деревню мы отправились троим: я — сотрудник партотдела, Сонечка — яркая стремительная татарочка, молодежный редактор, и Валерий — наш фотограф. Мои казахские друзья говорили, что многие казахи женятся исключительно на татарочках, отмечают в них какую-то якобы редкую в женщинах полуночную сладость, интимный темперамент.

Валерий, напротив, по-моему, был из семьи старообрядцев, он не пил, не курил, имел по примеру своего отца собственный дом и бесконечно нежно любил свою жену и двух маленьких детишек. В деревенской гостинойце нам отвели однокомнатный номерок с диваном на кухне. Соня решила, что она устроится на кухне, а мы займем две основные кровати.

Целый день мы металась по животноводческим фермам, комплексам, по обширным золотым полям, сидели в кабинетах экономистов и не виделись до ужина. Ужинали в обществе директора совхоза и парторга. Пили и водочку, и коньяк. Валерий, как потомок старообрядца, не пил вовсе. Соня его весело допекала вопросами о религии, но ее внимание перехватили хозяева. В конце ужина директор намекнул на то, что у них есть журавлиное озеро, и сейчас вечером там можно застать журавлей. Затюканный индустриальными пейзажами Валерий встретился и с надеждой поглядел на Сонечку, ясно понимая, что приглашали на встречу с журавлями именно ее. А сфотографировать журавлиное озеро хотелось ему, фотографу заводской газеты.

Сонечка, играя гранями хрустального фужера, многозначительно глянула в пылке глаза директора, допила коньяк и, весело стукнув каблучками, пропела: «Выткался над озером альпий цвет зари, на бору со стенами плачут журавли...» Подогретый коньяком директор тоже тихонько простионал. Видимо, Сонечка потому так смело пустилась в это путешествие, что рядом был старообрядец Валерий.

Они прихватили с собой еды и питья, прыгали в директорскую машину, а я, как сотрудник партотдела, побрел к себе в гостиницу.

Когда мои товарищи прибыли с озера, я уже спал. Проснулся от озорного хихиканья Сонечки, она стелила себе постель. В комнате витали запахи костра, болотных трав и самого озера. Валерий укладывался на свою кровать прямо напротив меня. С кухни слышался жаркий смешливый шепот: «Валера, иди ко мне.» Валера не ответил. «Интересно, для кого я танцевала посреди озера?» Молчание. «Я пела тебе чувственные романсы! Денег нет у меня, один крест на груди». Молчание. Еще несколько смешков, и послышалось шлепанье босых ног.

Соня светилась в розовой рубашечке. Обдав меня влажным ветром, она скользнула к Валерию под одеяло. Тут Валерий не выдержал и возмущенно зашептал: «Ну что ты, с ума сошла! Что о нас подумает партотдел? Уходи сейчас же!»

— Ты лучше сообрази, что он о тебе подумает, если ты меня прогонишь! — яростно зашипела Соня и они затихли.

Правда, в этой горячей тишине спать было невозможно, и я тихонько выбрался на улицу, якобы отправляясь на поиски журавлиного озера. Беспечно было не о чем. Старообрядчество намного старше и целомудреннее и молодости, и компартии... но... не журавлиного озера.

